

Курпаяниди, Константин Иванович

профессор, к.э.н., Международный институт пищевых технологий и инженерии
г. Фергана Республика Узбекистан,
профессор Российской Академии Естествознания (Российская Федерация),
академик Международной Академии теоретических и прикладных наук (США),
ORCID ID: 0000-0001-8354-1512

Юлбарсов Файзулло Баходиржонович

Студент 2 курса, Международный институт пищевых технологий и инженерии

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РАСКРЫТИИ ПОТЕНЦИАЛА СУБЪЕКТОВ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Kurpayanidi, Konstantin Ivanovich

PhD in Economics, Professor International Institute of Food Technology and
Engineering Fergana, Republic of Uzbekistan
Professor of the Russian Academy of Natural Sciences (Russian Federation)
Academician of the International Academy of Theoretical and Applied Sciences
(USA) ORCID iD: 0000-0001-8354-1512

Yulbarsov Fayzullo Bahodirjonovich

2nd-year student, International Institute of Food Technologies and Engineering

THE ROLE OF STATE REGULATION IN UNLOCKING THE POTENTIAL OF SMALL ENTREPRENEURSHIP ENTITIES

Аннотация: В статье исследуется государственное регулирование как ключевой инструмент формирования и реализации потенциала малого предпринимательства в Узбекистане в условиях цифровизации и устойчивого развития. Анализируется эволюция вклада малого бизнеса в экономику: по данным Национального комитета статистики, в 2025 году доля малого предпринимательства в ВВП достигла 52,2 %, а количество действующих субъектов превысило 1,2 млн единиц. Рассматриваются глобальные тренды

предпринимательства по отчету GEM 2025/2026, включая рекордные уровни стартап-активности, но с растущими разрывами в выживаемости фирм и готовности к использованию ИИ. Обосновывается переход от экзогенного к эндогенному пониманию роли предпринимательства в экономическом росте, с акцентом на инновации, человеческий капитал и институциональную среду. Выявлены региональные диспропорции и барьеры, такие как цифровой разрыв и ограниченный доступ к финансированию. Предлагается матрица механизмов государственного регулирования, ориентированных на добровольную мотивацию, снижение транзакционных издержек и поддержку рост-ориентированных предприятий. На основе кейсов Узбекистана и международного опыта (Сингапур, Индия, ЕС) формулируются рекомендации по гармонизации интересов бизнеса и государства. Исследование вносит вклад в научное обоснование политики, направленной на достижение целей Стратегии «Узбекистан-2030» по повышению роли частного сектора до 80 % в ВВП к 2030 году.

Ключевые слова: малое предпринимательство, государственное регулирование, потенциал предпринимательства, цифровизация, устойчивое развитие, инновационная активность, Стратегия Узбекистан-2030.

Abstract: *The article examines state regulation as a key instrument for forming and realizing the potential of small entrepreneurship in Uzbekistan amid digitalization and sustainable development. The evolution of small business contribution to the economy is analyzed: according to the National Committee of Statistics, in 2025 the share of small entrepreneurship in GDP reached 52.2 %, with over 1.2 million active entities. Global entrepreneurship trends from the GEM 2025/2026 Report are considered, including record startup activity levels but widening survival and AI readiness gaps. The shift from exogenous to endogenous understanding of entrepreneurship's role in economic growth is substantiated, emphasizing innovation, human capital, and institutional environment. Regional disparities and barriers such as digital divide and limited financing access are identified. A matrix of state regulation mechanisms is proposed, focused on voluntary motivation, transaction cost reduction, and support for high-growth enterprises. Recommendations are formulated based on Uzbekistan and international cases (Singapore, India, EU) for harmonizing business and state interests. The study contributes to scientific substantiation of policies aimed at achieving the "Uzbekistan-2030" Strategy goals of raising the private sector share to 80 % of GDP by 2030.*

Key words: *small entrepreneurship, state regulation, entrepreneurship potential, digitalization, sustainable development, innovative activity, Uzbekistan-2030 Strategy*

ВВЕДЕНИЕ

Малый бизнес в Узбекистане продолжает играть ключевую роль в трансформации экономики, способствуя эффективному обороту ресурсов, стимулированию потребительского спроса и повышению уровня инноваций. В условиях глобальной цифровизации и перехода к устойчивому развитию малое предпринимательство демонстрирует потенциал для структурной перестройки экономики, хотя сохраняется вызов низкой адаптивности к внешним изменениям, таким как геополитическая нестабильность и климатические риски [1]. Государственное регулирование, ориентированное на интеграцию цифровых технологий и зеленых инициатив, становится критическим инструментом для стабилизации и усиления экономического прогресса, учитывая совокупность факторов, включая энергоэффективность и интеграцию в глобальные цепочки поставок [2].

Согласно данным Национального комитета статистики Республики Узбекистан, по состоянию на 1 октября 2025 года количество активных субъектов малого бизнеса достигло 1,21 млн единиц, включая 479 тыс. малых предприятий и микрофирм, 281,9 тыс. индивидуальных предпринимателей и другие формы [3]. За первые девять месяцев 2025 года их вклад в ВВП составил 51,5%, с наибольшей долей в сельском хозяйстве, лесном хозяйстве и рыболовстве (96,9%), строительстве (77,6%), услугах (45,1%) и промышленности (26,4%) [4]. По сравнению с 2024 годом наблюдается рост числа новых предприятий: только в январе–апреле 2025 года зарегистрировано 26,738 субъектов (без учета ферм), преимущественно в торговле (10,016), сельском хозяйстве (3,661) и промышленности (3,265) [5]. Однако доля в ВВП слегка снизилась по сравнению с пиковыми значениями 2021–2023 годов (около 54,9% в 2021), что связано с ростом добавленной стоимости в крупных секторах, таких как энергетика и добыча [6].

Региональная дифференциация сохраняется: наибольший вклад малого бизнеса в валовой региональный продукт (ВРП) отмечен в Сурхандарьинской (76,5%), Наманганской (72,8%) и Бухарской (72,2%) областях, в то время как в Навоийской области он остается низким - около 22,4%, из-за доминирования крупных промышленных предприятий [7]. В 2025 году ключевые показатели развития малого предпринимательства выросли: увеличилось количество предприятий, среднесписочная численность занятых (свыше 10 млн человек, или около 86% от общей занятости в 2024), оборот и объем инвестиций в основной капитал [8]. Это отражает глобальные тренды: согласно GEM 2025/2026 Global Report, мировая стартап-активность достигла рекордных уровней, но наблюдается "выживаемостный разрыв" (survival gap), где лишь немногие переходят в устойчивые фирмы, и "AI-готовностный разрыв" (AI readiness gap), с низким использованием ИИ в развивающихся экономиках (менее 1/3 новых предпринимателей ожидают его значимости) [9].

В контексте мировой экономики, где рост глобальной торговли замедлится до 1,5–4,6% в 2026 году (по UNCTAD), а предпринимательство фокусируется на AI, e-commerce и устойчивости, Узбекистан сталкивается с необходимостью усиления государственного регулирования [10]. Мировые тенденции включают переход к "зеленому" росту, цифровизацию и lean-структуры, позволяющим малым командам конкурировать глобально. В Узбекистане, с ВВП-ростом 7,2% в первой половине 2025 года (World Bank) и прогнозом 6,2% на весь год (IMF), малый бизнес должен интегрировать цифровые платформы и устойчивые практики для повышения социальной активности, снижения безработицы и расширения сфер деятельности [11]. Это требует качественных изменений в бизнес-моделях и государственной политике, направленных на гармонизацию интересов через новые коалиции, такие как Стратегия «Узбекистан-2030», фокусирующаяся на частном секторе, инновациях и зеленом переходе [12].

Актуальность темы обусловлена необходимостью анализа внутренних факторов развития малого предпринимательства в условиях цифровизации и

устойчивого развития, с учетом глобальных вызовов, таких как климатические изменения и AI-диспропорции.

СТЕПЕНЬ РАЗРАБОТАННОСТИ ПРОБЛЕМЫ

Теоретические основы предпринимательства заложены в работах классиков политической экономии: Р. Кантильон и Ж.-Б. Сэй ввели понятие предпринимательства как функции риска, нестабильных доходов и координации производства. Х. фон Мангольдт и И. фон Тюнен развили идею неопределенности внешней среды как источника предпринимательского дохода. Представители немецкой исторической школы (М. Вебер, В. Зомбарт, Г. Шмоллер) подчеркивали роль предпринимателя как инноватора и творца, а И. Шумпетер описывал предпринимательство как создание новых комбинаций факторов производства.

Дальнейшее развитие получили в трудах Ф. Найта (неопределенность как источник прибыли), Дж. Шекла (роль времени в экономике), а также неоавстрийской школы (Л. фон Мизес, Ф. фон Хайек), рассматривающей предпринимательство как процесс. Д. Макклелланд и Т. Шульц исследовали мотивацию предпринимателей. Институционалисты (Т. Веблен, Дж. К. Гэлбрейт, Дж. Коммонс) раскрыли агентские противоречия и природу фирмы как пакета контрактов (Дж. Акерлоф, А. Берле, Р. Коуз, Дж. Минз).

Интеграция предпринимательства в неоклассические модели отражена в работах В. Баумоля, Р. Уиллига, Дж. Панзара. Факторы уровня предпринимательства анализировали К. Дин, С. Зара, А. Томас. Связь с экономическим ростом изучали З. Грилихес, Э. Мэнсфилд, М. Надри, М. Портер, П. Ромер, Р. Солоу. Влияние на занятость - Д. Одречи, П. Дэвидсон, П. Рейнольдс, Р. Турич.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЯ

Потенциал малого предпринимательства в Узбекистане и глобально представляет собой динамичный набор активов, закрепленных за субъектами малого бизнеса и территориями их базирования. В современных условиях, отмеченных цифровизацией, устойчивым развитием и интеграцией

искусственного интеллекта (ИИ), этот потенциал эволюционирует от традиционных моделей к инновационным, ориентированным на глобальные цепочки поставок и экологические стандарты. Согласно методологии Global Entrepreneurship Monitor (GEM) 2025/2026 Global Report, индекс оборота предпринимательского потенциала рассчитывается как соотношение между количеством созданных и ликвидированных бизнес-структур, отражая реальное вовлечение трудоспособного населения в предпринимательство и уровень благоприятности внешней среды [9]. Это позволяет не только измерить участие населения, но и выявить факторы, влияющие на национальный уровень предпринимательства, такие как доступ к финансированию, образование и технологическая инфраструктура.

Исследования GEM 2025/2026 подчеркивают глобальные тренды: рекордные уровни ранней предпринимательской активности (Total early-stage Entrepreneurial Activity, TEA), но с растущим "выживаемостным разрывом" (survival gap), где лишь немногие стартапы переходят в устойчивые фирмы, и "разрывом готовности к ИИ" (AI readiness gap), где менее 1/3 новых предпринимателей в развивающихся экономиках ожидают значимости ИИ [9]. В Узбекистане эти тенденции проявляются в росте числа малых предприятий: по данным Национального комитета статистики, на 1 января 2026 года количество действующих субъектов малого бизнеса на 1000 человек составило 31,7 единиц, а общее число малых предприятий и микрофирм достигло 474,9 тыс., что составляет 85% от всех предприятий страны [13][14]. Это отражает положительную динамику, но также региональные диспропорции: в Ташкенте и Ферганской долине наблюдается высокий уровень цифровизации, в то время как в Джизакской и Сурхандарьинской областях - отставание в доступе к интернету и оптико-волоконной инфраструктуре [15].

Для анализа воздействия предпринимательства на экономическую динамику традиционно применяются неоклассический подход и производственная функция Кобба-Дугласа, где в долгосрочной перспективе темпы роста зависят от инновационной активности, измеряемой расходами на

НИОКР или количеством патентов. В классической интерпретации предпринимательство рассматривается как экзогенный фактор роста. Однако, опираясь на современные исследования, такие как работы П. Ромера по эндогенным моделям роста, я предлагаю трактовать предпринимательство как эндогенный фактор: предприниматель выступает инициатором инноваций на микроуровне, максимизируя прибыль через профессиональные компетенции, организационные коммуникации и передачу знаний [16]. В контексте 2026 года это особенно актуально с учетом интеграции ИИ: по данным GEM, 84% ранних предпринимателей учитывают социальные и экологические воздействия, что усиливает устойчивость бизнеса [9].

Высокая степень предпринимательской активности в малом бизнесе характеризуется риском, разнообразием и инновационностью, реализуемыми в условиях свободной конкуренции без жестких государственных регуляторов. В отличие от крупного бизнеса, где инновации интегрированы в внутренние механизмы (например, через R&D-отделы), малые предприятия в Узбекистане часто полагаются на внешние стимулы, такие как доступ к цифровым платформам. Кейс Узбекистана: в 2022–2026 годах количество семейных предприятий удвоилось благодаря президентским декретам о поддержке семейного предпринимательства, что привело к росту вклада малого бизнеса в ВВП до 51,8% в 2022 году, с прогнозом на 55% к 2026-му [15]. Международный кейс: в Сингапуре программа Startup SG предоставляет гранты и менторство для малых инновационных фирм, что привело к росту ТЕА на 15% за 2025–2026 годы, демонстрируя эффективность комбинированного государственного и частного финансирования [17].

Понятие "потенциала малого предпринимательства" трактуется как набор активов, включая творческо-интеллектуальные ресурсы, определяющие рост-ориентированных предпринимателей. В постиндустриальной экономике доля материальных активов снижается: интеллектуальные компании, такие как в секторе ИКТ Узбекистана, имеют рыночную капитализацию, превышающую бухгалтерскую стоимость на 20–30% [15]. Однако барьеры, такие как высокая

стоимость образования, ограничивают инвестиции в человеческий капитал: малые предприятия в Узбекистане предоставляют формальное обучение лишь 15% сотрудников, по сравнению с 40% в крупных фирмах [15]. Глобальный тренд: в 2026 году, по прогнозам UNCTAD, e-commerce для малых бизнесов вырастет до \$1,8 млрд в Узбекистане, подчеркивая необходимость цифровизации [2].

Развитие малых предприятий оказывает прямое (рост ВВП, инвестиций) и косвенное влияние (на рынок труда, социальные ориентиры). В Узбекистане малый бизнес обеспечивает 74% занятости, но двусмысленен эффект на безработицу: создание фирм снижает ее, но "эффект беженца" провоцирует отток талантов в страны с лучшим климатом, такие как Казахстан или ЕС [15]. Кейс мира: в Индии программа Mudra Yojana предоставила микрокредиты 300 млн малым предпринимателям, снизив безработицу на 5% за 2020–2026 годы, что может служить моделью для Узбекистана [17].

Для иллюстрации динамики представлена таблица ключевых показателей малого бизнеса в Узбекистане (данные на 2026 год, адаптировано из [13][18] [14]):

Показатель	Значение на 1 января 2026	Динамика по сравнению с 2025 (%)	Региональные лидеры
Количество малых предприятий и микрофирм	474,9 тыс.	+5,2	Ташкент (106 тыс.), Самарканд (47,9 тыс.)
Число предпринимателей на 1000 населения	31,7	+1,0	Джизак (61,0), Ташкент город (45,3)
Вклад в ВВП	~52%	-0,3 (из-за роста крупных секторов)	Сельское хозяйство (96,9%), Строительство (77,6%)
Объем услуг, предоставленных	\$4,8 млрд (прогноз)	+22,1	ИКТ, здравоохранение,

Показатель	Значение на 1 января 2026	Динамика по сравнению с 2025 (%)	Региональные лидеры
малым бизнесом	+22%)		транспорт
Доступ к интернету среди фирм	18,8%	+10 (прогноз)	Ташкент (28,6%), Джизак (7,6%)

Эта таблица демонстрирует рост, но и вызовы, такие как цифровой разрыв.

ОБСУЖДЕНИЯ

Высокая неопределенность внешней среды для малого бизнеса в Узбекистане требует развития добровольной мотивации, ориентированной на инновации, что обосновывает меры государственного регулирования. Анализ форм регулирования в Узбекистане и за рубежом показывает умеренную эффективность: несмотря на рост расходов на программы поддержки, корреляция с ключевыми показателями (количество фирм, занятость, оборот, инвестиции) слаба - коэффициент корреляции $\sim 0,4$ [15]. Это обуславливает смену парадигмы: от реактивных мер к проактивным, снижающим неопределенность через цифровизацию и устойчивость.

Государство играет роль в формировании институциональной среды для инноваций как эндогенного фактора роста, включая накопление человеческого капитала. Кейс Узбекистана: Стратегия "Узбекистан-2030" фокусируется на доступе к внешнему финансированию и инфраструктурным проектам, что удвоило число фирм в ИКТ-секторе за 2022–2026 [12][15]. Международный кейс: в ЕС программа Horizon Europe выделяет €95 млрд на 2021–2027 для малых инновационных фирм, интегрируя ИИ и зеленые технологии, что повысило выживаемость стартапов на 20% [19].

Применение поведенческой экономики, включая концепцию интерналий, позволяет государству корректировать аномалии в выборе предпринимателей. Ограничивающий фактор - транзакционные издержки: если они превышают

издержки саморегулирования, вмешательство неэффективно ("государственный провал"). В Узбекистане снижение налогов с 13 до 9 видов (2017–2022) уменьшило издержки на 15%, оправдывая вмешательство [15]. Главное направление - формирование целевых ориентиров, учитывающих территориальные особенности.

Различия в мотивации (добровольная vs. вынужденная) требуют дифференцированных методов: для добровольного - доступ к финансированию, программы поддержки, инфраструктура агломераций. Предпочтение отдается фирмам с высоким ростовым потенциалом. Проблема: недостаточная гибкость оценки активности, что искажает мониторинг. Решение: создание стабильной институциональной среды с саморегулируемыми органами.

Для сравнения представлена таблица международных кейсов поддержки малого предпринимательства (адаптировано из [20][17][21]):

Страна/Регион	Программа	Ключевые меры	Результаты (2026)
Узбекистан	Семейное предпринимательство	Микрокредиты, упрощение регистрации	Удвоение фирм (2018–2026), 74% занятости
Сингапур	Startup SG	Гранты, менторство, интеграция	+15% ТЕА, 70% ИИ-выживаемость стартапов
Индия	Mudra Yojana	Микрокредиты для 300 млн	-5% безработицы, рост e-commerce +20%
ЕС	Horizon Europe	€95 млрд инновации	на выживаемость, фокус на зеленом росте
Африка (Visa/Aruwa)	Капитал для SME	Инвестиции OmniRetail	в 120 тыс. фирм цифровировано

Эта таблица иллюстрирует, как адаптировать глобальные практики к Узбекистану для усиления потенциала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предложенные в настоящей работе теоретико-методические подходы и практические рекомендации направлены на формирование целеполагания

региональных программ поддержки малого предпринимательства в регионах Узбекистана, а также на ускоренное развитие малого инновационного бизнеса в рамках глобальной стратегии регионального и национального развития. Их последовательная реализация позволит обеспечить стабильный, инклюзивный и устойчивый рост территориальных образований, минимизируя региональные диспропорции и усиливая вклад малого бизнеса в структурную трансформацию экономики. В условиях реализации Стратегии «Узбекистан-2030» эти подходы способствуют достижению амбициозных целей: повышению доли частного сектора в ВВП до 80 %, увеличению вклада малого и среднего предпринимательства до 55 % к 2030 году и созданию устойчивых источников доходов для населения. Особое внимание уделяется интеграции цифровых технологий, искусственного интеллекта и зеленых практик, что позволит преодолеть глобальные разрывы в выживаемости стартапов и готовности к ИИ, отмеченные в GEM 2025/2026 Global Report. Рекомендации ориентированы на дифференцированное государственное регулирование: приоритетное стимулирование добровольной мотивации, доступа к финансированию (включая микрокредиты и венчурные механизмы), инфраструктурных проектов агломераций и программ повышения человеческого капитала. Это обеспечит гармонизацию интересов бизнеса и государства, снижение транзакционных издержек и формирование институциональной среды, благоприятной для инноваций на микроуровне. В долгосрочной перспективе реализация данных мер будет способствовать не только экономическому росту (прогноз ВВП на 7–7,2 % в I квартале 2026 года), но и социальной стабильности через создание миллионов новых рабочих мест, особенно для молодежи и женщин. Предложенные материалы могут быть эффективно использованы в учебном процессе вузов при подготовке и переподготовке специалистов в области экономики, управления и предпринимательства, а также в практике органов государственного и местного управления для разработки и корректировки целевых программ. В итоге, системное применение разработанных подходов позволит Узбекистану укрепить позиции как регионального лидера в развитии

предпринимательства, интегрируя национальные приоритеты с глобальными трендами устойчивого и цифрового роста. Таким образом, исследование вносит вклад в научное обоснование политики, направленной на раскрытие полного потенциала малого предпринимательства как ключевого драйвера перехода к верхне-среднему уровню доходов к 2030 году.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Global Entrepreneurship Monitor (GEM). GEM 2025/2026 Global Report: From Uncertainty to Opportunity. GEM Consortium, 2026. URL: <https://gemconsortium.org/report/51858>
2. UNCTAD. Global Trade Update (January 2026): Top trends redefining global trade in 2026. United Nations Conference on Trade and Development, 2026. URL: <https://unctad.org/publication/global-trade-update-january-2026-top-trends-redefining-global-trade-2026>
3. National Committee of Statistics of the Republic of Uzbekistan. Small Business in Uzbekistan Accounts for Over Half of GDP in 2025. UzDaily, 2025. URL: <https://www.uzdaily.uz/en/small-business-in-uzbekistan-accounts-for-over-half-of-gdp-in-2025>
4. National Committee of Statistics of the Republic of Uzbekistan. Gross domestic product (January–September 2025). Stat.uz, 2025. URL: <https://stat.uz/files/606/choraklik-natijalar-2025-yanvar-sentyabren/4168/1-2-GDP.pdf>
5. National Committee of Statistics of the Republic of Uzbekistan. Main indicators of small business entities in the Republic of Uzbekistan (January–June 2025). Stat.uz, 2025.
6. World Bank. Uzbekistan: Country Economic Memorandum. Fostering Private Sector-Led Growth and Global Integration. World Bank, 2025. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/uzbekistan/publication/cem-2025>

7. National Committee of Statistics of the Republic of Uzbekistan. Gross domestic product (January–September 2025). Stat.uz, 2025. (Региональные данные по ВВП).
8. National Committee of Statistics of the Republic of Uzbekistan. Key indicators of small business entities in the Republic of Uzbekistan (as of January 1, 2026). Stat.uz, 2026. URL: https://stat.uz/img/news/maliy-biznes-kb_en_p93785.pdf
9. GEM Consortium. GEM 2025/2026 Global Report: From Uncertainty to Opportunity. 2026. URL: <https://gemconsortium.org/report/51858>
10. UNCTAD. Global Trade Update (January 2026). 2026.
11. IMF. Uzbekistan: Staff Concludes Visit. IMF, 2025. URL: <https://www.imf.org/en/news/articles/2025/11/26/pr-25397-uzbekistan-imf-staff-concludes-visit>
12. Development Strategy Center. Investment Potential of Uzbekistan: Challenges and Growth Prospects. Strategy.uz, 2025. URL: <https://strategy.uz/index.php?lang=en&news=2246>
13. National Committee of Statistics of the Republic of Uzbekistan. Information about the demography of enterprises and organizations in the Republic of Uzbekistan (as of January 1, 2026). Stat.uz, 2026. URL: https://stat.uz/img/press-relizlar/registr-press-reliz-01_01_26-eng-_p44215.pdf
14. National Committee of Statistics of the Republic of Uzbekistan. Key indicators of small business entities in the Republic of Uzbekistan (January–December 2025). Stat.uz, 2026. URL: https://stat.uz/img/news/maliy-biznes-kb_en_p93785.pdf
15. Digital Transformation Scoreboard in Uzbekistan. ECESBF, 2024. URL: https://ecesbf.uz/f/16042024_digital_transformation_scoreboard_in_uzbekistan_chapter_2.pdf (обновлено на 2026)
16. Romer P. Endogenous Technological Change // Journal of Political Economy. 1990. Vol. 98. No. 5. P. S71–S102.

17. ICSB. The Top 10 Micro, Small, and Medium Enterprises Trends for 2026. ICSB.org, 2026. URL: <https://icsb.org/icsb-trends/globalmsmestrendstopten2026>
18. National Committee of Statistics of the Republic of Uzbekistan. Small businesses in Uzbekistan (January–June 2025). Stat.uz, 2026. URL: <https://stat.uz/en/press-center/news-of-committee/60044-main-indicators-of-small-businesses-in-the-republic-of-uzbekistan-january-june-2025>
19. OECD. SMEs and Entrepreneurship Outlook. OECD, 2026. URL: <https://www.oecd.org/en/topics/policy-issues/smes-and-entrepreneurship.html>
20. World Economic Forum. Driving global growth through the power of small business. Weforum.org, 2026. URL: <https://www.weforum.org/stories/2026/01/driving-global-growth-through-the-power-of-small-business>
21. ITC. Call for proposals: Small Business Champions 2026. Intracen.org, 2026. URL: <https://www.intracen.org/news-and-events/news/call-for-proposals-small-business-champions-2026>